

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)
Х69

Ходаренок, Михаил Михайлович.

Х69 Щит и Меч нашей Родины / Михаил Ходаренок. – Москва : Алгоритм, 2016. – 288 с. – (Четвертая мировая).

ISBN 978-5-906861-12-2

Наша страна стоит на пороге великих, кровавых перемен, теперь это понимают все. Война на Украине, санкции Запада, предчувствие беды... Всё обрушилось на Россию неожиданно. Хотя многие предупреждали: слабость экономики, разрушение военно-промышленного комплекса, недостаточная боевая и оперативная подготовка, слабая военная наука и зависимость от Запада неизбежно приведут к большой крови. Но их не слушали, как всегда...

Сегодня поздно кусать локти и колени – надо собирать оставшиеся силы для обороны. Но готов ли к этому российский ВПК? Как сильно разрушили его за годы так называемых «либеральных реформ»? Что надо сделать для того, чтобы Щит и Меч Родины по-прежнему блистали и сдерживали наших врагов?

На эти вопросы отвечает компетентный и независимый специалист – главный редактор газеты «Военно-промышленный курьер» и журнала «Воздушно-космическая оборона», полковник Михаил Ходаренок.

**УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)**

ISBN 978-5-906861-12-2

© М.М. Ходаренок, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
--------------------	---

Глава 1. Стратегия

О системных проблемах нашего военного строительства . . 8	
Бесполезные критерии	13
Все ли получится с постоянной боевой готовностью? . . . 18	
Все в погонах и значках	20
Военно-терминологические игры	22
Генеральское мужество	29
Силовое решение есть всегда	38
Солдатская этика	41
Бесполезны в мирное и опасны в военное время	49
Нет клаузевицев в Отечестве своем	52
Две большие разницы	55
Четвертый удар	58
Оправдание для дураков	60
Время политруков прошло	63
После умопомрачительной ереси	66
Кровь, мед, песок, пчелы	68
Рейсмус Анатолия Сердюкова	78
Разложение единоначалия	86
Против американского лома нет сирийского приема 98	
Раньше думай о Родине	106

Глава 2. Противоракетная оборона

Европейская ПРО и отечественная «хлестаковщина» . . . 115	
Составляющие противоракетной ереси	118
Не по должности полет	119

Существенные частности	121
«Сам-то понимаешь, что сказал?»	124
Не ЕвроПРО, а евробайда	128
Противоракетная оборона для чайников	137

Глава 3. Оборонно-промышленный комплекс

Столпы нашего моторотроения	144
Самолеты и двигатели	147
Проблемы гражданского дивизиона	154
Гибель технического обеспечения	157
Россия — родина ковбоев	167
Матиас Руст: вечно живой	175
В качестве выводов	201

Глава 4. Военная история

Военно-историческое беспамятство	203
Азбука стратегий	211
«Верю!» — «не верю!»	220
Бутерброды по-жуковски	229
«Войны и мира» не получилось	237
Сталинградский успех изначально не планировался	260
Едоки, сабли, штыки и «счетные» дивизии	272
Закключение	287

ВВЕДЕНИЕ

Вооруженным силам СССР и современной России посвящено значительное количество исследовательской, научно-популярной литературы и публицистических статей. В то же время следует отметить, что в открытой военной литературе сравнительно мало трудов специалистов, знающих вопросы военной стратегии, оперативного искусства, строительства Вооруженных сил на основе своего личного опыта. До некоторой степени этот недостаток восполняет сборник статей Михаила Ходаренка. Автор длительное время служил в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации и лично занимался вопросами стратегического планирования применения армии и флота. Его мнение может оказаться полезным для военно-теоретической подготовки офицерского состава, а предлагаемый вниманию читателей труд дает самые общие представления о военной стратегии, способах ведения современной войны, особенностях подготовки страны и Вооруженных сил к войне, направлениях в строительстве Вооруженных сил, исследованиях некоторых исторических событий. Всеми этими соображениями и руководствовался автор при написании данного цикла статей. Автор с большим вниманием отнесется к тем пожеланиям, которые могут возникнуть при чтении настоящего издания.

Глава 1

СТРАТЕГИЯ

О СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМАХ НАШЕГО ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Без их кардинального разрешения невозможно эффективно двигаться вперед.

Если строить дом без строгого соблюдения строительных норм и правил, он непременно рухнет. Например, можно начать сооружение с пятого этажа вместо первого. Не заложить фундамент. Построить дом на слабых грунтах и плавунках. Вместо высококачественного цемента применить песок. Можно не сомневаться — здание обязательно завалится. Военное строительство в нашей стране за последние четверть века отчасти напоминает эти процедуры. Кухня размещается в ванной, спальня — на крыше, а туалет выносится на балкон, причем последний делается без соответствующих ограждений, а отхожее место — в сокращенном или скадрованном составе, в виде одного унитаза. Потом после грохота от завала только что построенного здания и оседания туч пыли строители-неудачники удивляются: как, почему так вышло, что случилось?

И в самом деле, в чем причина? Почему так получается, что сначала влево, потом вправо, затем назад и в конце концов вперед, но в результате, в сухом остатке ноль или величина, весьма близкая к нему?

В ходе разного рода мероприятий, проводимых в Вооруженных Силах, можно менять длину и форму аксельбантов, фасон головных уборов и шитье на фуражках, цвет приборного сукна, вводить и отменять воротники, удлинять до полутора метров уши на шапках-ушанках и вновь

укорачивать их до 15 сантиметров, но если не затрагивать основ, на которых, собственно говоря, и держится здание российских Вооруженных Сил, то результат всегда будет примерно одинаков. Поэтому и есть смысл остановиться на некоторых основополагающих проблемах, без конструктивного разрешения которых у нас вряд ли получится что-либо дельное в сфере военного строительства.

Первое.

Вряд ли для кого будет тайной мадридского двора (так в нашей стране сложилось исторически), что область строительства армии и флота является вотчиной сугубо двух лиц — Верховного главнокомандующего и отчасти министра обороны. Исключительно от их знаний, воли и глубины понимания вопроса зависят те или иные судьбоносные решения. В ряде случаев эта система давала отличные результаты (Петр Великий, Сталин), порой — весьма хорошие (Леонид Брежнев), но зачастую дело заканчивалось явными провалами (Михаил Горбачев, Борис Ельцин).

Ярко выраженным недостатком этой системы является отсутствие каких-либо прозрачных процедур и механизмов принятия решений по ключевым вопросам военного строительства. Кроме того, не существует никакого аварийного автомата защиты от волюнтаристических (и просто дурацких, что называется, из ряда вон) решений. И сегодня в Вооруженных Силах, к примеру, напрочь отсутствует какой-либо способ защиты от своеволия и фантазий первого лица военного ведомства. К примеру, выпрыгнул, как черт из коробочки, Анатолий Сердюков, наворотил дел, что у экспертного сообщества волосы и поныне дыбом стоят, — и пропал со сцены. Уже давно нет самого непопулярного в новой (да и старой) российской истории министра обороны, а завалы, оставшиеся после него, разгребать придется еще не одно десятилетие. И нет никакой ответственности за содеянное. И непонятно, кто оплатит издержки его начальственного пыла и административного восторга в проведении разрушительных для обороноспособности государства затей.

Самое главное — нет никаких гарантий, что через некоторое время не произойдет реинкарнация очередного мебельных дел мастера вместе с его женским батальоном и на сцене не появится Сердюков-2 и не начнет чудесить еще круче предыдущего. Скажем, заявит: не хочу ни военных округов, ни оперативных командований, ни дивизий, ни корпусов, ни бригад, а хочу полки левой и правой руки. И чтобы воеводы ими командовали. И вообще, особо подчеркнет очередной глава военного ведомства, все, что до меня делалось, неправильно. И ведь придется, засучив рукава, выполнять. А через пару лет появится новый министр и прикажет: не хочу атомных ракетных крейсеров и авианосцев, хочу тяжелую стратегическую конницу и чтобы непременно вся в латах была! И куда денешься, придется и это воплощать в жизнь. Ведомственная военная наука сразу же и с высоким качеством обоснует целесообразность очередного «нового мышления».

Поэтому все-таки должны быть отлаженный механизм и точно установленные процедуры. Должна быть всем понятная цепочка: зарождение идеи — экспертная проработка — принятие решения — проведение в жизнь. Должно быть четко установлено: что лично глава военного ведомства может, что нет. Такого типа решение он проводит в жизнь без согласования с первыми лицами государства и законодательной властью, а вот другое — только после рассмотрения на экспертном уровне и утверждения президентом и Федеральным собранием.

Иными словами, речь идет о гражданском контроле над Вооруженными Силами. Эта тема вообще мало обсуждается как в СМИ, так и на экспертном уровне. Вполне возможно, что для гражданского контроля в нашем государстве еще не пришло время по причине отсутствия в стране гражданского общества (да и граждан как таковых — будем смотреть правде в лицо). Но проблема-то от этого никуда не делась, не рассосалась сама по себе.

В частности, в тех же Соединенных Штатах, которые никогда не знали таких загогулин с военным строительст-

вом, как у нас, любой доктринальный документ в этой сфере начинается со слов: «Вооруженные силы США находятся под гражданским контролем».

Остается дожидаться появления граждан и в нашей стране. Вполне возможно, что этот процесс займет еще не одно десятилетие.

Второе.

Необходимо радикальным образом изменить систему выдвижения офицеров и генералов на вышестоящие должности, чем подорвать сложившуюся за последние десятилетия в Вооруженных Силах селекцию командного состава на вышестоящие должности большей частью по отрицательным или кланово-семейным признакам. В армии и на флоте должны быть созданы реальные возможности добиваться вышестоящих постов умом и талантом, на соответствующей конкурсной основе. Иными словами, надо создать, как и в армиях других стран, систему подбора и выдвижения кадров на вышестоящие должности. Пока такой системы нет. Поэтому кадровая катастрофа с началом военных действий практически неминуема.

Третье.

Исключительным правом на получение воинских званий и ношение военной формы одежды должен обладать только личный состав Вооруженных Сил. Персонал других силовых и тем более гражданских структур (например члены Федерального собрания) такого права иметь не должны.

Однако ситуация на сегодня такова, что никакими силами ни полицию, ни ФСБ, ни пограничников и ФСИН не удастся убедить отказаться от системы воинских званий и распогонить. Скорее общими усилиями силовых ведомств инициатор этой идеи будет задвинут далеко-далеко за Можай. Пока же разобраться на улице чисто визуально, кто же это идет с погонами полковника — командир полка или же начальник ближайшей исправительно-трудовой колонии, работник прокуратуры, представитель СК РФ, невозможно.

Поэтому реальный выход для российских Вооруженных Сил только один — перейти к собственной системе во-

инских званий и различий. Оставить полиции, ФСБ, ФСИН, прокуратуре, СК все, как есть. А для ВС создать новую систему воинских званий и знаков отличия. Какую именно — вопрос для дальнейшего обсуждения.

Четвертое.

В отечественных Вооруженных Силах так и не появился корпус младших командиров (сержанты/унтер-офицеры как отдельный институт с особой системой образования, управления и прохождения службы). Определенные несоординированные и разнонаправленные попытки создать что-либо подобное имели место быть, но вот Института (именно Института) так и не появилось. Не возникло даже системы соответствующих званий. У нас так и остался минимальный набор званий для младших командиров (младший сержант, сержант, старший сержант). А на деле необходимо не менее десяти градаций званий унтер-офицерского (сержантского) состава.

Можно в принципе вообще отказаться от нынешних сержантских званий (оставив их полиции и другим силовым структурам) и перейти к унтер-офицерам. Градация могла бы быть приблизительно такой же, как и в русской императорской (германской) армии — унтер-офицер, унтер-фельдфебель, фельдфебель, обер-фельдфебель, штабс-фельдфебель с добавлением каких-либо промежуточных ступеней, чтобы довести таким образом (с помощью, в частности, 1, 2, 3-го классов) общее число званий до десяти. Разработать и утвердить для них новые знаки отличия. Есть, видимо, необходимость плавно отказаться от прапорщиков в Вооруженных Силах, оставив их другим силовикам. Без всякого ущерба переаттестовать армейских прапорщиков в оберфельдфебелей, скажем, 1 и 2-го классов.

Пятое.

Министерству обороны нужно обязательно иметь независимые аналитические центры. Военное ведомство должно создать и само финансировать подобные центры. Но при этом важно обеспечить их независимость от воен-

ных структур. Только в таком случае можно будет получить и анализ, и непредвзятые рекомендации, лишённые ведомственных пристрастий.

Шестое.

Главная ответственность за состояние военной промышленности должна быть возложена на Министерство обороны, а не на другие правительственные структуры.

Седьмое.

Функции как административного, так и оперативного управления должны быть безраздельно сосредоточены в руках гражданского министра обороны.

Можно отмахиваться от перечисленных проблем. Делать вид, что они не существуют. Но проблемы от этого никуда не исчезнут. Можно отложить их решение на пять-десять-пятнадцать лет, но делать это рано или поздно придется. Разумеется, уже по другому преysкуранту. А пока есть смысл развернуть по этим «февральским тезисам» самую широкую дискуссию.

БЕСПОЛЕЗНЫЕ КРИТЕРИИ

Дискуссии о том, какие Вооруженные Силы нужны России сегодня, а также в ближайшей и среднесрочной перспективе, в последнее время как-то сами по себе стихли. Вполне возможно, потому, что выявили полное отсутствие профессиональных знаний у многих участников обсуждения. Немалую роль сыграло и то, что все общепринятые критерии при оценке потенциала военной машины, необходимого для обороны страны, как правило, заводи́ли спори́ков в тупик, из которого им не удавалось выбраться.

Какие же подходы следует применять при определении численного и боевого состава Вооруженных Сил? Есть мнение, что в первую очередь надо исходить из того, какие задачи им придется решать и с каким противником, воз-

можно, сражаться. И только на этой основе осуществлять все военное строительство. С одной стороны, вроде бы налицо бесспорная истина. Но с другой — не так уж все и однозначно. На обозримую историческую перспективу должно быть совершенно очевидно, кто нам друг и кто — враг. А тут как раз полная неопределенность. Более того, число врагов растет каждый день. К традиционным неприятелям добавляются те, кто еще вчера был чуть ли не союзником.

Отечественный Военно-морской флот, например, на протяжении десятилетий жил с мыслью о предстоящем противоборстве с ВМС США на океанских просторах и непременно в ходе ракетно-ядерной войны. Неудивительно, что в головах наших адмиралов и поныне играет антиамериканский орган: «Даешь Норфолк! Даешь Сан-Диего!». Однако геополитический расклад давно и кардинально изменился. ВМФ, на создание которого были затрачены огромные средства, теперь надо отстраивать практически заново, переориентировав на решение других задач. Но каких именно? С кем вступать в бой и где?

И это только один пример. В действительности таких примеров куда больше. Ведь наши Вооруженные Силы многие-многие годы фактически готовились к третьей по счету мировой войне. Однако потом выяснилось, что она не состоится, и те, с кем не сегодня завтра собирались сойтись в смертельной схватке, вдруг в одночасье перешли в разряд партнеров. В результате — полная мешанина в головах профессиональных защитников Родины: от кого ее защищать, если по всему периметру границ и в дальнем зарубежье — сплошь доброжелатели? А технику, предназначенную для глобальных битв, куда девать? В частности, никак не удастся применить в конфликте ограниченного масштаба бомбардировщик Ту-95МС, истребитель МиГ-31, некоторые типы подводных лодок.

В недавнем прошлом звучали просьбы (и порой даже требования) все-таки обозначить в Военной доктрине (или в Концепции национальной безопасности) противников и

союзников. Мол, перечислите нам супостатов, а затем на этой основе развернется вполне конкретное строительство современной армии и флота. Бытовало мнение: поскольку врагов в открытом документе назвать нельзя, то нужно написать закрытый для общества вариант Военной доктрины. И там уже изложить все как есть. Надо сказать, более чем наивная точка зрения. В Военной доктрине можно разве что сформулировать тезис, суть которого проста: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», и сопроводить его развернутым комментарием.

Другой подход (частично вытекающий из первого) к определению необходимого для обороны страны потенциала основывается на анализе соотношения сил (средств) сторон. Скажем, посмотреть, какое оно, это соотношение, на западе, востоке и юге, и после этого с учетом гипотетических угроз пестовать армию и флот. Однако стоит только (даже в самых общих чертах) рассмотреть мощь объединенной Европы или Китая и Японии, как становится совершенно очевидным, что подобный путь откровенно ведет никуда. Возможности России, чей ВВП не превышает 3% от мирового, чья доля в наукоемких производствах на планете не более 2%, невелики. Между тем, если всерьез вознамериться вступить в конфронтацию на всех стратегических направлениях, то одних только дизельных подводных лодок отечественному ВМФ, судя по ряду экспертных оценок, потребуется не менее 400.

Впрочем, в отечественной публицистике и выступлениях некоторых российских политических деятелей постоянно и настойчиво звучат требования создать «компактные, мобильные, современные» Вооруженные Силы и соблюдать при этом «разумную достаточность». Однако что стоит за этими терминами — толком никто не знает. Никакими количественными критериями они не описываются. Применить их как руководство к действию пока никак не удается.

Так что надо исходить из каких-то других критериев. Возможно, даже из элементарных. В частности, в России в

конце XIX века при строительстве Военно-морского флота этот критерий звучал достаточно просто: «Быть в Европе третьей по силе морской державой».

Как до самого последнего времени определялись основные параметры Вооруженных Сил нашей страны? Достаточно просто. Например, на властном олимпе называлась «контрольная» цифра — скажем, два или полтора миллиона военнослужащих, и если в армии и на флоте на тот период насчитывалось больше людей по сравнению с установленным политическим руководством лимитом, проводились необходимые сокращения.

Причем осуществлялись они так называемым пропорционально-долевым методом. Смысл этой технологии заключался в том, что численность всех видов ВС и родов войск, главных и центральных управлений Минобороны уменьшалась на один и тот же процент, чтобы никому не было обидно. Отсутствие недовольства, свар и брожения в воинских частях и штабах — вот, пожалуй, единственное достоинство этого отечественного ноу-хау.

В результате соотношение между видами ВС и родами войск сегодня у нас примерно такое же, как и 20 лет назад, когда еще не распался Советский Союз. Именно в далеком уже 1989 году начались нескончаемые «усекновения» армии и флота. Вряд ли, наверное, этот процесс завершится и после того, как в рядах защитников Родины останется один миллион человек. Использование же пропорционально- долевого метода при сокращениях привело к тому, что мы имеем почти точную копию несокрушимой и легендарной. То есть говорить о каких-либо приоритетах в плане подготовки военной организации нашего государства к войнам и вооруженным конфликтам обозримого будущего не приходится. Да и отечественная военная мысль забуксовала в прогнозах и сценариях будущих противоборств настолько, что, пожалуй, окончательно остановилась.

Поэтому способ выхода на оптимальную структуру и численность Вооруженных Сил представляется примерно

следующим. Совершенно очевидно: Россия намеревается и далее играть одну из ведущих ролей на мировой арене. Но что для этого ей нужно в первую очередь? «Длинные руки» — стратегическая авиация и авианосный флот. В случае иного ответа на данный вопрос российской политической и военной элите надо сразу, окончательно и бесповоротно отказаться от употребления словосочетания «великая держава».

В качестве примера попробуем установить, каким должен быть оптимальный боевой и численный состав дальней авиации (ДА). Причем вначале задумаемся: полтора десятка относительно современных стратегических бомбардировщиков (типа Ту-160) для страны, претендующей на место в команде государств-лидеров планеты, — это много или мало? И если вдобавок имеющиеся самолеты предназначены только для выполнения боевых задач в ракетно-ядерной войне (и никакой другой)? А завод, на котором данные стратегические бомбардировщики строятся, сегодня в лучшем случае собирает одну машину за три-четыре года?

Что и говорить, печальная картина. При таком количестве самолетов ДА на войне, где будут использоваться только обычные средства поражения, придется забыть про оперативное искусство ВВС (за ненадобностью) и про такую форму боевого применения, как массированный удар (мало кто знает, что для его нанесения надо задействовать в одном вылете воздушную армию, а не пару-тройку машин).

А сколько вообще стратегических бомбардировщиков требуется стране, считающей себя великой державой? Путем несложных вычислений (в основном на основе опыта вооруженных конфликтов последнего времени) легко прийти к выводу, что минимальным является парк в 140—150 машин. Плюс необходимое число самолетов-заправщиков (у нас лишь несколько таких крылатых танкеров), самолетов РЭБ (отсутствуют в ВВС России как класс), даль-

них разведчиков (сокращены под ноль), воздушных пунктов управления и самолетов ДРЛО (в ДА их нет). Не забудем также про вузы, полигоны, аэродромы, рембазу и многое-многое другое.

В итоге получим искомые цифры, которые, кстати, при подобном методе окажутся отнюдь не чрезмерными. Однако если сначала определять численность, а потом под нее подгонять все остальное, то получится, как в басне Михалкова про семь шапок.

Что касается боевого применения ДА в грядущих военных конфликтах, то была бы стратегическая авиация, а у кого бомбить — всегда найдется.

ВСЕ ЛИ ПОЛУЧИТСЯ С ПОСТОЯННОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТЬЮ?

«Все соединения и части необходимо содержать только в категории постоянной готовности», — сегодня это аксиома, не подлежащая сомнениям.

Но, тем не менее, кое-какие вопросы остаются.

В формулировке «все соединения и части необходимо содержать только в категории постоянной готовности» кроется, на мой взгляд, некорректность принципиального характера. Дело в том, что в мирное время выполнить это требование или невозможно, или нецелесообразно.

Поясним это на примере организации технического обеспечения (ТО). Фронтвой комплект соединений и частей ТО включал 2-4 фронтвые ремонтно-восстановительные базы, ФРВБ (в своем составе каждая имела рвп РАВ, рвп БТ-2, рвп АТ, озвакб, орвб связи, орвб ОИТ и многое, многое другое). Уж не знаю, что от них сейчас осталось. Бось, рожки да ножки.

Можно, конечно, довести до численности военного времени рвп БТ (ремонтно-восстановительный полк бронетанковой техники). Оснастить его всем необходимым